

Волшебной ночью.

Сильно притушенное электричество. Настолько притушенное, что я ясно вижу только лицо Колина, сидящего со мной плечо в плечо. А лица его жены, занявшей мѣсто по другую сторону отъ него, я почти не различаю. Нѣсколько аккордовъ и тихій, грустный голосъ.

— Молись, кунакъ, — начинаетъ пѣвецъ.

— Молись, кунакъ, — вторитъ ему другой пѣвецъ.

— Въ странѣ чужой молись, кунакъ, за край родной...

— За край родной, — заканчиваетъ второй голосъ.

— Пускай теперь мы лишены родной семьи, родной страны...

— Родной страны, — тихо вздыхаетъ второй голосъ.

— Молись за тѣхъ, кто сердцу милъ, чтобы Господь ихъ сохранилъ.

— Чтобы Господь ихъ сохранилъ — съ вѣрою, повторляетъ второй голосъ.

Построенный въ стилѣ строгаго канона, трогательный дуэтъ кончается. Нѣсколько тихихъ заключительныхъ аккордовъ. Притушенное электричество вспыхиваетъ и освѣщаетъ...

Какъ бы вы думали, что оно освѣщаетъ?

Небольшой залъ ночного кабака на Монмартрѣ.

Засіяли сказочные брилліанты въ ушахъ накрашенныхъ американокъ и аргентинокъ, дѣлающихъ видъ, что онѣ прикрываютъ свою наготу царственными соболями. Походкой стараго ротмистра, которую изъ него вытравить развѣ только могила, прѣбѣжалъ лакей съ бутылкой шампанскаго. Оркестръ заигралъ шими-шими. Англичанки, оставивъ соболя на стульяхъ и окончательно оголивъ свои костлявыя спины, начали, обнявшись со своими кавалерами, совершать посреди зала тѣлодвиженія, которыя принято называть только въ учебникахъ физиологій. Но это длилось недолго — минутъ пять самое большее. Электричество снова притухло, и изъ полумрака полились звуки струннаго квартета.

— Спи, малютка мой прекрасный. Баюшки баю...

Милая мелодія милаго Александра Тихоновича Гречанинова. Сколько воспоминаній въ моей личной жизни связано у меня съ тобой! Поймутъ-ли только тебя, тихую и застѣнчивую, въ этомъ злчномъ мѣстѣ? За сосѣднимъ столикомъ слегка подвыпившій гражданинъ U. S. A. очень громко объясняетъ что-то своей сосѣдкѣ. Все громче, громче... Нѣтъ, очевидно не поймутъ... Но вдругъ изъ за столика напротивъ, занятого аргентинцами, раздается настойчивое «тсс»... Еще болѣе энергичное «тсс»... летитъ изъ противоположнаго конца зала, изъ за столика англичанъ. Поняли таки! Подвыпившій американецъ замолчалъ, и колыбельную прослушали въ такой тишинѣ, которую знаютъ только посѣтителы Московскаго Художественнаго театра. Потомъ было коротенькое танго и длинный дуэтъ изъ перваго акта Евгенія Онѣгина. А потомъ было такое, чего я еще никогда не видѣлъ и не слышалъ, и чего я даже

Типы современного русскаго студенчества.